

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

На правах рукописи

А. М. ЛАРИН

**ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальности: № 715 — уголовный процесс,
№ 717 — криминалистика

**АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК**

Москва
1970

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

На правах рукописи

А. М. ЛАРИН

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

Специальности: № 715 — уголовный процесс,
№ 717 — криминалистика

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

код экземпляра

43044

Москва
1970

Работа выполнена в прокуратуре Калининской области.

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук профессор член-корреспондент
АН СССР *М. С. Строгович*,

доктор юридических наук профессор *А. Р. Ратинов*,

доктор юридических наук *И. М. Лузгин*.

Ведущая организация — Ленинградский институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и МВД.

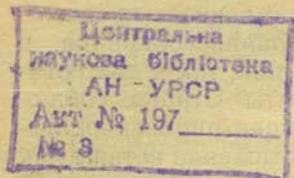
Автореферат разослан „25“ XII 1970 года.

Защита диссертации состоится „3“ II 1971 года
на заседании совета Всесоюзного института по изучению
причин и разработке мер предупреждения преступности.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ин-
ститута.

Ученый секретарь
кандидат юридических наук

В. В. БРАТКОВСКАЯ.

Следователям, сотрудникам органов дознания принадлежит авангардная роль в борьбе с наиболее опасными нарушениями социалистической законности. Раскрытие преступлений, разоблачение преступников, ограждение советского общества, советских граждан от преступных посягательств — таково трудное и ответственное назначение органов расследования социалистического государства.

В постановлении «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» от 30 июля 1970 г. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР призвали судебных и прокурорских работников значительно повысить уровень всей своей деятельности по дальнейшему укреплению социалистической законности и общественного порядка, усилению борьбы с преступлениями и другими правонарушениями и тем самым внести свой вклад в решение задач коммунистического строительства.

Одной из важных предпосылок успеха в деле укрепления социалистической законности, предупреждения и искоренения преступности служит теоретическая разработка проблем советского права, в ряду которых видное место занимают проблемы расследования в советском уголовном процессе.

Вопросам расследования уделено внимание в трудах ученых процессуалистов В. Д. Арсеньева, С. А. Голунского, М. М. Гродзинского, Д. С. Карева, И. Д. Перлова, Р. Д. Рахунова, А. Л. Ривлина, М. С. Строговича, М. А. Чельцова, П. С. Элькинд и других. Широко известны специальные работы о расследовании А. Н. Васильева, А. И. Винберга, Н. В. Жогина, Л. М. Карнеевой, И. М. Лузгина, Г. М. Миньковского, А. Р. Ратинова, В. А. Стрёмовского, Ф. Н. Фаткуллина, Н. А. Якубович и др. Одни из этих работ посвящены преимущественно проблемам правового регулирования расследования, другие — гносеологическим проблемам данной стадии, третьи — общим вопросам криминалистической тактики.

Нет, однако, сомнений в том, что правовые принципы, в которых проявляется сущность советского уголовного процесса, имеют определяющее значение как для правил собирания и оценки доказательств в стадии расследования, так и для организации, планирования следственной работы. Строгое соблюдение предписаний закона, находящих концентрированное выражение в процессуальных принципах, достижение истины как цель и результат доказывания, планирование и организация как необходимые условия целеустремленной и эффективной работы — таковы, на наш взгляд, основные взаимосвязанные и взаимообусловленные требования, которые предъявляются к расследованию в советском уголовном процессе. Поэтому представляется оправданным монографическое исследование, предметом которого было бы расследование, рассматриваемое одновременно как процессуальная стадия, как деятельность, обеспечивающая достижение истины, и как объект планирования и организации. Такой подход, полагаем, позволит преодолеть несогласованность в решении ряда вопросов, принадлежащих разным ответвлениям правовой науки, но близко соприкасающихся и взаимозависимых на практике. Это же, мы надеемся, даст возможность более веско обосновать некоторые теоретические решения, до сих пор спорные, а также выявить отдельные практически актуальные проблемы, которым раньше не уделялось должного внимания.

Приведенные соображения определили план диссертации, предусматривающий три раздела:

I. Сущность расследования.

II. Особенности доказывания в стадии расследования.

III. Планирование и организация расследования по уголовному делу.

При написании диссертации изучена и использована советская и отчасти зарубежная литература по уголовному процессу, криминалистике, уголовному праву и криминологии. Привлечены также данные из произведений по логике, теории информации, теории организации, теории исследования операций.

Методологической основой исследования послужили труды основоположников научного коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Предмет исследования — практика советских следователей и органов дознания. Автор стремился к тому, чтобы своим исследованием способствовать совершенствованию расследования и предупреждения преступлений.

Первый раздел включает три главы:

I. Расследование как стадия уголовного процесса.

II. Уголовно-процессуальные функции в стадии расследования.

III. Расследование и служебные обследования (ревизии, технические проверки и т. д.).

В первой главе на основе анализа уголовно-процессуального права и теоретических концепций расследования автор приходит к определению центрального понятия темы. Расследование определяется как стадия уголовного процесса, в которой орган дознания, следователь, прокурор, а также привлеченные и допущенные ими к участию в деле лица действуют в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, сообразно своим процессуальным функциям; задача расследования — раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений, изобличение виновных, охрана интересов потерпевших, реабилитация неосновательно обвиненных и решение вопроса о направлении дела в суд, а при иных основаниях — о прекращении дела; в задачи расследования входит также воспитательное воздействие на граждан, в том числе на лиц, совершивших преступление.

Данная формулировка не охватывает определяемого предмета во всем многообразии его проявлений и связей. Но такое определение представляется достаточным, чтобы вывести из него для последующего детального разбора ряд характерных черт.

Понятие расследования, как родовое, выражает то общее, что присуще предварительному следствию и дознанию. Наличие такого родового понятия имеет большое теоретическое и практическое значение. Оно обеспечивает возможность разработки единых научных и методических рекомендаций для следствия и дознания. Последовательное использование этого понятия в правотворческой практике позволит законодателю четко сформулировать общие задачи следователя и органов дознания, будет содействовать совершенствованию редакции источников уголовно-процессуального права.

Проблема соотношения предварительного следствия и дознания в логическом аспекте осложнена неоднозначностью термина дознание. Под дознанием понимаются и неотложные следственные действия, составляющие первоначальную часть расследования, и расследование в полном объеме, производи-

мое органами дознания по делам, отнесенным к их ведению. Субъектами дознания закон признает и орган дознания, и лицо, производящее дознание. Но принципиального основания для распределения функций этих двух субъектов действующее право не устанавливает. При этом в законе обнаруживаются внутренние противоречия. Так, по смыслу ст. ст. 112, 119, 120 УПК РСФСР возбуждает дело, принимает его к производству и, следовательно, должен нести полную ответственность за расследование орган дознания. Оценка же доказательств, согласно ст. 71 УПК РСФСР, является прерогативой лица, производящего дознание. Но представляется несомненным, что ответственность за дело неотделима от оценки доказательств. Возникающие в связи с расследованием уголовного дела отношения между органом дознания в лице его начальника и лицом, производящим дознание, не получили правовой регламентации. На практике это приводит к тому, что за качество расследования не отвечают в полной мере ни лицо, производящее дознание, чьи процессуальные полномочия существенно ограничены, ни начальник органа дознания, который, как правило, лично расследование не производит.

Отмеченные противоречия и пробелы, как полагает автор, могут быть устранены путем передачи лицу, производящему дознание, полномочий на исполнение всех процессуальных актов расследования по делам, отнесенным к его ведению. Начальник же органа дознания может быть наделен правами и обязанностями, аналогичными предусмотренным для начальника следственного отдела (ст. 127¹ УПК РСФСР). Такое решение, представляется, обеспечит процессуальную самостоятельность и повысит ответственность лица, производящего дознание, придаст должный процессуально-правовой характер его отношениям с начальником органа дознания.

В диссертации приведены доводы в поддержку уже высказывавшегося советскими учеными взгляда, что для расследования должен существовать единый процессуальный порядок, общий как для следствия, так и для дознания (Н. В. Жогин, И. М. Лузгин, Г. М. Миньковский, М. Ю. Рагинский).

Одну из сторон проблемы соотношения следствия и дознания представляет вопрос о праве следователя давать органу дознания поручения и указания о розыскных и следственных действиях. Вопрос этот весьма актуален. На практике во многих случаях следователь не может проверить, как выполнено его поручение о розыскных действиях и выполнялось ли оно

вообще. Законом не установлен срок исполнения этих поручений. Не опираясь на соответствующие процессуальные гарантии, указанное право следователя в значительной мере становится декларативным, нереальным. Из рассмотрения этого вопроса в диссертации сделан вывод о целесообразности дополнения закона правилами о сроках исполнения поручений следователя, а также о праве следователя непосредственно знакомиться со всеми материалами, которые собраны органом дознания при исполнении поручения.

Специфическими признаками каждой процессуальной стадии являются: а) исходные предпосылки, б) круг участников, в) формы их деятельности, г) сроки, д) непосредственные задачи. По этим признакам расследование отличается от возбуждения дела и от судебных стадий. Однако соотношение процессуальных стадий характеризуется не только различиями, но и общностью. Возбуждение дела, расследование, производство в суде — это части одной системы, объединяемые общими задачами и основными принципами советского уголовного судопроизводства.

И в стадии возбуждения уголовного дела, и в расследовании происходит собирание информации о преступлении. Исходя из того, что проверочные методы, используемые в первой стадии судопроизводства, менее эффективны, чем процессуальные методы расследования, автор высказывается за предельное сокращение проверок по сообщениям о преступлении. В тех же случаях, когда проверка необходима, она должна включать меры, создающие благоприятные условия для решения в последующих стадиях общих задач судопроизводства: предотвращение или пресечение преступления, закрепление следов преступления, охрану возможных источников доказательств, обеспечение возможного гражданского иска. В диссертации рассматриваются формы проведения этих мер в стадии возбуждения дела.

В корреляции расследования и судебного производства ведущее, определяющее место принадлежит суду, ибо суд и только суд является органом правосудия. Задача же расследования — создание предпосылок успешной судебной деятельности.

Указания суда, изложенные в определении (постановлении) о направлении дела на дополнительное расследование, обязательны для следователя. Автор считает подлежащими безоговорочному исполнению все указания суда, направленные на выяснение обстоятельств дела. Но в вопросах, реше-

ние которых основывается на оценке всех обстоятельств дела по внутреннему убеждению, — о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления, о направлении дела в суд, — следователь указаниями суда не связан. Суд вправе своей властью привлечь новое лицо к уголовной ответственности (ст. 256 УПК РСФСР). Но и этот акт не предопределяет решения следователя о направлении дела для предания данного лица суду.

Сопоставляя заключительные выводы расследования и суда, автор соглашается с учеными, считающими, что прекращение дела с передачей на поруки должно осуществляться только судом (Г. З. Анашкин, Н. В. Жогин, П. Ф. Пашкевич, М. С. Строгович, П. С. Элькинд и др.). Но поруки — лишь частный вопрос. Принципиальное решение должно исключить и всякие иные возможности признания лица виновным в преступлении кем бы то ни было, помимо суда. Нынешнее же положение таково, что республиканское законодательство, предусматривающее признание виновными лиц, в отношении которых в возбуждении дела отказано или дело прекращено (ст. ст. 6—10 УПК РСФСР), не соответствует союзному законодательству, которое такую возможность исключает (ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Данное несоответствие должно быть устранено на основе общесоюзного закона.

В диссертации выясняется вопрос о действии в расследовании уголовно-процессуальных принципов. К решению этого вопроса в научной литературе определяются два подхода. Одни ученые наряду с принципами, общими для уголовного процесса в целом, конструируют особые системы принципов расследования (Р. Д. Рахунов, М. С. Строгович). При этом в систему особых принципов расследования включаются положения, представляющие, на наш взгляд, неполную и потому неточную интерпретацию общепроцессуальных принципов (например, принцип публичности трактуется как принцип активности расследования, принцип объективной истины — как принцип объективности и полноты расследования и т. д.). Мы предпочитаем иную концепцию, согласно которой в расследовании находят осуществление принципы, общие для всех процессуальных стадий (И. Д. Перлов). Представляется, такая точка зрения позволяет глубже уяснить сущность расследования как звена в единой цепи процессуальных стадий, исследовать связь специфических задач расследования с общими конечными задачами судопроизводства. С этих позиций

автор исследует определяющее значение для расследования принципов демократизма советского уголовного процесса, социалистической законности, публичности, достижения объективной истины, непосредственности, права на защиту, обеспечения законных интересов лиц, участвующих в процессе, национального языка, быстроты судопроизводства, осуществления правосудия судами, независимости судей, устности, гласности, состязательности. При этом обращено внимание, что механизм воздействия разных процессуальных принципов неодинаков. Большинство принципов выражено в предписаниях закона, адресованных прямо и непосредственно следователю. Воздействие же таких принципов, как осуществление правосудия судами, независимость судей, устность, гласность, состязательность, представляет своего рода обратную связь. Эти принципы определяют деятельность следователя, поскольку расследование есть подготовка судебного разбирательства, и материалы его должны соответствовать требованиям и условиям устного, гласного и состязательного процесса, осуществляемого независимыми судьями.

Принципы осуществления правосудия судами и независимости судей определяют основные черты правоотношений между следователем и судом: несвязанность суда выводами расследования и в то же время обязательность для следователя указаний суда. С принципом независимости судей, являясь как бы его проекцией в стадии расследования, связана процессуальная самостоятельность следователя.

Принцип устности исключает возможность приобщения к следственному производству документов, которые по тем или иным причинам не могут быть оглашены в судебном заседании. Из принципа гласности может быть выведено правило о разделении в стадии расследования дела в случаях, когда обстоятельства, представляющие основания для закрытого судебного разбирательства, касаются только части обвиняемых, привлеченных по данному делу.

Состязательность судебного разбирательства служит гарантией должного качества работы следователя. Ибо равенство прав участников судебного процесса обеспечивает выявление предвзятости, поверхностности, односторонности, когда это имеет место, и содействует тому, что суд признает расследование неудовлетворительным.

Признание и уяснение характера действия указанных принципов в стадии расследования, по мнению автора, способствует повышению уровня следственной практики.

Во второй главе рассматриваются процессуальные функции. В этой проблеме предметом полемики являются и само понятие процессуальной функции, и основания деления процессуальной деятельности на отдельные функции, и круг функций, и содержание каждой из них. Значение исследования процессуальных функций отнюдь не ограничивается теоретическим аспектом. Несколько огрубленно проблема функций может быть выражена сугубо практическим вопросом: как, в каких направлениях призваны действовать лица, участвующие в уголовном судопроизводстве?

В научных работах последних лет наметилась тенденция к отказу от традиционного взгляда на процессуальную деятельность как совокупность трех функций — обвинения, защиты и разрешения дела — и к признанию более широкого круга функций (Д. С. Карев, П. С. Элькинд, Ф. Н. Фаткуллин). В этой тенденции, мы полагаем, объективно отражаются демократическое развитие важных институтов советского уголовного процесса, укрепление и вместе с тем дифференциация прав его участников. Так, деятельность по предупреждению и пресечению преступлений, искони присущая советскому уголовному судопроизводству, но не опиравшаяся ранее на специальные правовые нормы, в современном законодательстве конституировалась в особую процессуальную функцию. В новых нормах, определяющих участие в процессе потерпевшего, приобрела четкие очертания функция удовлетворения ущерба от преступления. Особое развитие получила воспитательная функция судопроизводства. Появилась новая функция — функция гражданского ответчика.

Основанием разграничения процессуальных функций автор считает направления процессуальной деятельности участвующих в деле лиц, предусмотренные законом для достижения целей и решения задач уголовного судопроизводства. По данному основанию выделяются и рассматриваются следующие функции расследования: 1) исследование обстоятельств дела, 2) уголовное преследование, 3) удовлетворение причиненного преступлением ущерба, 4) защита, 5) возражения против иска о материальном ущербе, 6) обеспечение участвующим в деле лицам возможности осуществления их прав, 7) пресечение и предупреждение преступлений, 8) воспитательная функция, 9) процессуальное руководство и разрешение дела.

К числу спорных положений этой концепции относится понятие уголовного преследования. В процессуальной литературе это понятие в одних случаях отождествляется с обвине-

нием (М. С. Строгович), в других — с производством по делу в целом (М. А. Чельцов).

Автор определяет уголовное преследование в стадии расследования как систему процессуальных актов, сущность которых состоит в обосновании и формулировке вывода о совершении определенным лицом общественно опасного деяния, причем этот вывод служит основанием для создания, изменения или прекращения правоотношений между данным лицом и следователем. В таком значении уголовное преследование является родовым понятием, заключающим наряду с обвинением процессуально выраженное подозрение в совершении преступления, а также меры, принимаемые следователем в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или заболевшего психической болезнью после совершения преступления. Представляется, что использование такого понятия может способствовать более точному определению на практике и в законе оснований и момента возникновения функции защиты. Это момент возбуждения уголовного преследования в той или иной его форме: а) привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, либо б) задержание подозреваемого или применение в отношении него меры пресечения до предъявления обвинения, либо в) направление на психиатрическую экспертизу без предъявления обвинения лица, предполагаемого невменяемым или психически больным, в связи с совершенным этим лицом общественно опасным деянием. Это понятие может также ориентировать на критический пересмотр применяемых законом, но вызывающих своей неопределенностью затруднения в теории и практике терминов: «возбуждение дела в отношении нового лица», «прекращение дела в отношении отдельных обвиняемых» и др.

Также дискуссионен вопрос о функции процессуального руководства в расследовании. Автор считает, что в стадии расследования следователь призван руководить процессом подобно тому, как председательствующий — в судебном заседании (ст. 243 УПК РСФСР). В некотором отношении правомочия следователя по руководству процессом аналогичны правомочиям суда. Именно следователь принимает все решения о направлении следствия и производстве следственных действий, т. е. определяет, какие следственные действия, для выяснения или решения каких вопросов и с чьим участием должны быть произведены, вызывает свидетелей, потерпевших, обвиняемых, назначает экспертов, рассматривает хода-

тайства, удовлетворяет или отклоняет отводы, принимает меры к соблюдению порядка при выполнении следственных действий. Наряду со следователем субсидиарно процессуальное руководство в расследовании осуществляют начальник следственного отдела и прокурор (ст. ст. 127¹, 211, 212 УПК РСФСР).

Развернутое, отчетливое представление о процессуальных функциях способствует, по мнению автора, полному и последовательному решению задач расследования на практике.

Глава третья посвящена проблеме соотношения расследования и служебных обследований (ревизий, проверок, технических расследований и пр.).

До 1960 года служебные обследования представляли разновидность дознания, т. е. одну из форм расследования в уголовно-процессуальном смысле (ст. 97 УПК РСФСР 1923 г.). Положение в принципе изменилось с введением действующего уголовно-процессуального законодательства. В нем служебные обследования уголовно-процессуальной деятельностью уже не признаются. Эти обследования перешли в сферу административно-процессуального права. Но поскольку документы, фиксирующие ход и результаты служебных обследований (акты ревизий, заключения по несчастным случаям на производстве и др.), приобретают в уголовных делах значение доказательств, интерес к ним ученых и практиков, работающих в области уголовного процесса, имеет достаточные основания.

Между тем выделение служебных обследований из уголовно-процессуальной деятельности вызвало новые проблемы. Во-первых, в подзаконных нормативных актах, определяющих порядок служебных обследований (в инструкциях, положениях, правилах и т. п.), по традиции сохранились отдельные понятия и институты уголовного процесса: экспертиза, свидетели, юридическая квалификация и др., что не соответствует новой правовой природе служебных обследований. Во-вторых, уровень разработки этих нормативных актов недостаточен, особенно в части гарантий прав лиц, заинтересованных в результатах обследования. На практике это отрицательно сказывается на качестве обследований, на их объективности, затрудняет использование материалов обследований в качестве доказательств по уголовным делам.

Недостатки правовой регламентации служебных обследований не могут, однако, служить основанием для снижения требований к форме и содержанию актов ревизий, технических заключений и т. п., используемых в качестве доказа-

тельств по уголовным делам. Автор рекомендует следователям при оценке таких материалов исходить из общеправовых принципов законности, демократизма, защиты прав и охраняемых законом интересов граждан, их объединений, а также юридических лиц. Соответствующие требования следователь вправе предъявить органу, производящему служебное расследование в связи с расследованием по уголовному делу. Предложения следователя о том, чтобы при проведении ревизии не нарушались правила, установленные законом и подзаконными нормативными актами, чтобы в ревизии участвовали заинтересованные лица или представители общественности и др., несомненно, подлежат исполнению. В то же время отмечается, что разработка правовых основ служебных обследований представляет одну из актуальных задач науки административного процесса.

* * *

Второй раздел «Особенности доказывания в стадии расследования» состоит из следующих глав:

IV. Основные понятия доказывания.

V. Объект познания в расследовании.

VI. Структура процесса доказывания.

VII. Динамика процесса доказывания в стадии расследования.

Глава четвертая содержит исследование понятий доказательства, доказывания, презумпции невиновности и обязанности доказывания. Эти понятия общи для ряда процессуальных стадий. Но использованию их в расследовании присуща определенная специфика. Кроме того, вопросы о содержании данных понятий дискуссионны, что обязывает автора определить свою позицию.

На основе анализа правовых норм и теоретических концепций в диссертации обосновывается взгляд на уголовно-процессуальное доказательство как единство содержания — фактических данных (информации, сведений) — и формы — предусмотренного законом источника доказательств. Непонимание этого единства на практике приводит к ошибкам, которые выражаются, в частности, в том, что совокупность доказательств следователи усматривают, когда несколькими источниками устанавливается только один доказательственный факт либо когда ряд фактических данных черпается из единственного источника.

Доказывание в стадии расследования, по определению автора, — это осуществляемая в установленных законом процессуальных формах деятельность органа дознания, следователя, прокурора, а также привлекаемых и допускаемых ими других участников процесса, которая состоит в собирании и оценке доказательств и направлена на познание истины о совершенном (или предполагаемом) преступлении и иных существенных обстоятельствах дела для решения задач советского уголовного судопроизводства.

Природа доказывания как предмета процессуальной обязанности в значительной мере определена принципом презумпции невиновности. Согласно этому принципу каждое лицо признается невиновным, пока его виновность не доказана в установленном законом порядке. В принципе презумпции невиновности обобщен ряд правил, более конкретно выраженных в ст. ст. 2, 4, 7, 14, 15, 36, 43 Основ уголовного судопроизводства.

В стадии расследования с презумпцией невиновности связано, в частности, правило, согласно которому привлечение к уголовной ответственности имеет место только при наличии доказательств, достаточных для предъявления обвинения (ст. 143 УПК РСФСР). Но нельзя признать верным мнение, что с привлечением к уголовной ответственности действие принципа презумпции невиновности в стадии расследования прекращается (В. З. Лукашевич). Напротив, с этого момента у следователя возникает обязанность принимать все меры к выявлению обстоятельств, не только уличающих, но и оправдывающих обвиняемого (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства). Требование закона о выявлении оправдывающих обстоятельств прямо указывает на то, что обвиняемый, пока он окончательно не изобличен, презюмируется невиновным.

Одним из следствий презумпции невиновности является правило о толковании сомнений в пользу обвиняемого. Применительно к стадии расследования это правило выражено в пункте 2 части I ст. 208 УПК РСФСР, которая предусматривает прекращение уголовного преследования при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления. Данное правило действует не только при явном опровержении всех доказательств, послуживших основанием привлечения к уголовной ответственности, но и когда имеющиеся доказательства после всемерной проверки оказываются недостаточными для достоверного вывода, т. е. оставляют место сомнениям.

Еще одно следствие из презумпции невиновности — запрещение перелagать на обвиняемого обязанность доказывания — четко сформулировано в законе (часть 2 ст. 14 Основ уголовного судопроизводства).

В свете действующего закона очевидна неприемлемость от-стаиваемого в свое время А. Я. Вышинским тезиса о том, что при некоторых условиях переход на обвиняемого обязанности доказывания возможен и даже необходим. В диссертации аргументируется взгляд, что по тем же основаниям должны быть отвергнуты концепции о допустимости переложения на обвиняемого бремени доказывания, трактуемого как нечто отличающееся от обязанности доказывания (Н. Н. Полянский), или обязанности указывать источники доказательств (И. И. Малхазов), а равно о возложении обязанности доказывания на защитника (М. А. Чельцов) или гражданского истца (А. Г. Мазалов). Представляется, эти концепции не имеют достаточной базы ни в законе, ни в теории, а на практике могут вести к снижению ответственности следователя за достижение объективной истины, ставя решение этой задачи в зависимость от действий других участников процесса.

Выводимые из презумпции невиновности правила об истолковании сомнений в пользу обвиняемого и о недопустимости переложения на обвиняемого обязанности доказывания выражают в негативной форме ту же идею, которая положительно сформулирована в части 1 ст. 14 Основ уголовного судопроизводства: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства».

В стадии расследования эту обязанность, ни на кого не перелagая, ни с кем не разделяя, полностью, от начала до конца несет следователь.

В главе пятой рассматривается объект доказывания как познавательной деятельности.

Из совокупности обстоятельств, устанавливаемых по уголовному делу, теория уголовного процесса выделяет две основные группы: предмет доказывания (главный факт) и доказательственные (вспомогательные, побочные) факты.

В процессуальной литературе предмет доказывания иногда отождествляется с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, которые указаны в ст. 15 Основ уголовного судопроиз-

водства (см., напр.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966, стр. 185—187). Сторонники такой трактовки, нам кажется, не учитывают, что эти обстоятельства образуют предмет доказывания только по делам, направляемым в суд с обвинительным заключением и разрешаемым путем вынесения обвинительного приговора. Известно, однако, что это не единственный путь разрешения дел. По окончании расследования дело может быть направлено в суд для применения принудительных мер медицинского характера. Дело может быть и прекращено следователем. И в том, и в другом случаях предмет доказывания образуют юридические факты, существенно отличающиеся от оснований обвинительного приговора. Из этого следует, что обстоятельства, предусмотренные ст. 15 Основ уголовного судопроизводства, представляют один из видов предмета доказывания, отличающийся от общего понятия предмета доказывания большим содержанием и меньшим объемом.

Слишком узкое определение понятия предмета доказывания в теории приводит в следственной практике к ошибкам: при прекращении уголовных дел, а также при направлении в суд дел об общественно опасных деяниях душевнобольных обстоятельства, представляющие своеобразные предметы доказывания по делам этих категорий, не устанавливаются с такой полнотой и достоверностью, как предмет доказывания по делам с обвинительными заключениями.

Предмет доказывания, по определению автора, — это совокупность конкретных фактов (обстоятельств), служащих основанием для применения норм уголовного, гражданского и уголовно-процессуального права при разрешении дела, а также для принятия мер к устранению причин и условий, способствующих преступлениям.

В таком значении предмет доказывания — понятие родовое. Отдельными видами предмета доказывания являются обстоятельства, предусмотренные законом в качестве оснований: а) для обвинения и осуждения, б) для применения принудительных мер медицинского характера, в) для прекращения дела и оправдания. Внутри каждого из этих видов существуют более дискретные деления.

Автор исследует отдельные виды и разновидности предмета доказывания, анализируя соответствующие процессуальные нормы. Отмечаются неполнота и нечеткость редакции некоторых из этих норм. Так, ст. 15 Основ уголовного судопроизводства, определяя предмет обвинения, не предусматривает

доказывания обстоятельств, относящихся к личности потерпевшего, а доказывание обстоятельств личности обвиняемого ограничивает лишь теми, которые влияют на степень и характер ответственности. Между тем известно, что признаки и свойства личности обвиняемого имеют значение не только для определения характера и степени его ответственности, но прежде всего — для решения, может ли это лицо быть субъектом данного преступления. Не соответствует понятиям советского уголовного права деление подлежащих доказыванию обстоятельств на событие преступления и виновность обвиняемого, поскольку без виновного субъекта нет и события преступления. По этим соображениям автор высказывает предложения об уточнении редакции ст. 15 Основ уголовного судопроизводства.

Сложным и в теоретическом и в практическом отношениях является определение предмета доказывания при привлечении к уголовной ответственности по одному делу нескольких лиц, обвиняемых в совершении разных преступлений. Ошибки, допускаемые при решении этой задачи на практике, выражаются в одних случаях в неоправданном сужении предмета доказывания, что приводит к неполноте и односторонности исследования обстоятельств дела, в других случаях — в непомерном расширении предмета доказывания, в результате чего возникают так называемые «дела-гиганты», расследование и судебное разбирательство которых сопряжено с серьезными, подчас непреодолимыми трудностями.

Непосредственное отношение к этой проблеме, как уже отмечалось в процессуальной литературе, имеют правила о соединении и выделении уголовных дел (Р. Д. Рахунов, А. А. Герасун). Действующее право содержит правила, ограничивающие выделение и разделение дел (ст. 26 УПК РСФСР). Но одни из этих ограничений, на наш взгляд, чрезмерны, тогда как другие недостаточно определены. Так, по буквальному смыслу части 1 ст. 26 УПК РСФСР дело по обвинению должностного лица в получении взятки (ст. 173 УК РСФСР) и дело лица, обвиняемого в даче той же взятки, не могут быть соединены в одном производстве, поскольку здесь разные преступления, совершенные разными лицами. То же может быть сказано об обвинении в хищении и в попустительстве тому же хищению, о краже и покупке заведомо краденого и т. п. Известно, что практика идет по иному пути — дела о взаимосвязанных и взаимообусловленных преступлениях объединяются в одном производстве. И это, на наш взгляд, правиль-

но, поскольку иначе невозможно обеспечить объективное, полное и всестороннее исследование обстоятельств этих преступлений. Но нельзя признать допустимым несоответствие практики и права. В то же время закон не содержит предписаний, обязывающих следователя в определенных случаях к выделению дела в особое производство, что представляется нам пробелом закона. Существует и другое мнение, согласно которому «по смыслу ч. 1 ст. 26 УПК РСФСР («могут быть соединены в одно производство...») выделение дел из общего производства при отсутствии одного из предусмотренных в ней условий обязательно» (С. Г. Новиков). Однако кажется, что эта идея так далека от текста закона, что представляет скорее предложение о создании новой нормы, нежели толкование действующей. На основе анализа практики, процессуального и материального права и теоретических взглядов по этому вопросу в диссертации выносятся на обсуждение предложение о новой редакции ст. 26 УПК РСФСР, предусматривающее более широкий круг оснований для соединения дел, а также для предания суду по одному делу нескольких лиц, обвиняемых в разных преступлениях, и одновременно — оснований, по которым выделение уголовного дела признается необходимым.

Обращает внимание автор на то, что при производстве по применению принудительных мер медицинского характера возможны две существенно различные разновидности предмета доказывания: 1) совершение общественно опасного деяния невменяемым и 2) совершение преступления лицом, впоследствии заболевшим душевной болезнью. И если обстоятельства, подлежащие доказыванию в первом случае, очерчены правилами ст. ст. 403—404 УПК РСФСР, то второй случай сверх того требует доказывания в полном объеме обстоятельств, предусмотренных ст. 68 УПК РСФСР.

Доказательственные факты приобретают значение для дела в силу своих связей с предметом доказывания. Поскольку этим связям присущ информационный аспект, доказательственные факты служат средствами познания предмета доказывания.

Предмет доказывания, как и всякое иное явление объективного мира, связан и опосредствован с неисчислимым множеством окружающих фактов и обстоятельств. Поэтому для практики и теории приобретает серьезное значение вопрос о выборе доказательственных фактов для использования по уголовному делу и о критериях такого выбора. Автор считает,

что в оценке фактов применимы критерии, выработанные теорией информации. Соответственно этому при выборе доказательственных фактов учету подлежат: а) полезность факта, т. е. возможность использования его для установления существенных обстоятельств дела; б) ценность факта, определяемая объемом полезной информации, которую он несет; в) близость факта к исследуемому деянию. Эти положения обосновываются в диссертации анализом конкретных ситуаций из практики доказывания.

Шестая глава содержит рассмотрение структуры доказывания, т. е. выяснение вопросов: каковы отдельные элементы (этапы, стороны) деятельности, образующие доказывание, какова взаимосвязь этих элементов.

В ряде теоретических работ по уголовному процессу доказывание трактуется как совокупность следующих элементов, или этапов: 1) обнаружение доказательства, 2) закрепление доказательства, 3) проверка доказательства, 4) оценка доказательства (М. С. Строгович, А. И. Трусов, П. А. Лупинская, А. Р. Ратинов, Н. А. Якубович). Точка зрения автора несколько иная. Рассмотрение проверки доказательства позволяет сделать вывод, что эта деятельность включает и обнаружение, и закрепление, и оценку доказательств, новых по отношению к проверяемым фактическим данным и их источникам. Проверка начинается одновременно с расследованием, поскольку уже основания к возбуждению дела представляют фактические данные, подлежащие проверке. И каждое доказательство должно быть проверенным. Поэтому представляется, что проверка — это не отдельный этап, соподчиненный с обнаружением, закреплением и оценкой, а доказывание в целом, рассматриваемое в определенном, причем в весьма существенном аспекте. Проверка — это доказывание как деятельность, обусловленная предварительной ориентировочной оценкой наличных фактических данных и состоящая в собирании дополнительных доказательств, необходимых для правильного определения достоверности, относимости и полноты всех устанавливаемых по делу фактических данных, допустимости их источников.

Один из элементов доказывания представляют, по мнению автора, поиски и обнаружение доказательств. При этом имеется в виду, что поиски не всегда приводят к обнаружению доказательств. Но и негативные результаты поисков могут иметь процессуальное значение, в частности при прекра-

щении уголовного преследования в порядке пункта 2 части 1 ст. 208 УПК РСФСР.

От успеха в поисках и обнаружении доказательств ближайшим образом зависит эффективность доказывания.

Обобщение данных практики и научных исследований позволяет характеризовать эффективность доказывания так:

эффективность доказывания:

— **состоит** в своевременном обнаружении доказательств, на основе которых осуществляется раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений, изобличение преступников, реабилитация невиновных, установление всех существенных обстоятельств дела;

— **обеспечивается** быстротой и внезапностью следственных действий, своевременной осведомленностью следователя об обстоятельствах дела и поведении виновного, а также тайной расследования;

— **достигается** применением научно обоснованных тактических приемов и технических средств при проведении следственных действий, привлечением общественности к участию в раскрытии и предупреждении преступлений, бригадным методом расследования особо сложных и трудоемких дел, использованием негласно собранной информации об обстоятельствах, существенных для расследования.

Закрепление доказательств в стадии расследования как элемент доказывания представляет отражение в предусмотренных законом формах фактических данных, устанавливаемых при следственных действиях. В диссертации рассмотрены основные формы закрепления доказательств: составление протоколов, приобщение к делу иных документов, приобщение к делу вещественных доказательств.

Оценка доказательств — это прежде всего отражение устанавливаемых по делу данных в сознании следователя. Как мыслительная деятельность оценка имеет гносеологический, логический и психологический аспекты. Поскольку мышление представляет переработку информации в сознании, есть основания рассматривать оценку в свете теории информации.

Нередко при выяснении проблемы оценки доказательств подчеркивают, что мышление человека осуществляется по объективным законам природы и над ним не властны правовые нормы (В. Д. Арсеньев, Р. С. Белкин и др.). Это само по себе верное суждение не вполне соответствует сущности оценки доказательств в уголовном процессе, ибо оценка не была бы элементом доказывания, если бы ограничивалась сферой

мышления. Специфика оценки как элемента доказывания в том, что она объективируется в процессуальных действиях и решениях. Выражающие оценку доказательств постановления, обвинительные заключения, судебные решения имеют значение актов государственной власти и в качестве таковых создают, изменяют и прекращают правоотношения. В этой объективируемой части оценка, несомненно, является предметом правовой регламентации, ибо закон устанавливает самостоятельность следователя и независимость судей в качестве условий оценки доказательств. Закон содержит правила, ограничивающие допустимость доказательств, подлежащих оценке. Требованиям закона определяется форма решений, выражающих оценку. В этом и проявляется руководящее значение закона и социалистического правосознания при оценке доказательств, установленное ст. 17 Основ уголовного судопроизводства.

Внешняя объективируемая сторона оценки производна от оценки в сознании, от внутреннего убеждения. Но здесь есть и обратная зависимость: объективизация, процесс изложения оценки в постановлении или в обвинительном заключении позволяют следователю посмотреть на свои суждения как бы со стороны, обнаружить в них пробелы, несоответствия, требующие дополнительного обоснования, коррективов.

Автор отмечает взаимодействие собирания и оценки доказательств. Оценка пронизывает собирание доказательств. В зависимости от оценки с точки зрения относимости решается вопрос о закреплении рассматриваемых фактических данных. Констатация неполноты собранных доказательств служит командой к розыску, обнаружению и закреплению новых данных. Отражая ход собирания доказательств, оценка развивается от предварительных, ориентировочных суждений об отдельных доказательствах и группах доказательств к итоговому, окончательному выводу по совокупности доказательств.

Оценка доказательств производится с точки зрения их достоверности, относимости, допустимости, а также с точки зрения их близости к устанавливаемым фактам, объема содержимой информации, с точки зрения достаточности. В диссертации рассмотрено каждое из этих направлений оценки.

В седьмой главе выясняется динамика доказывания, характер перехода от вероятности к достоверности.

Вероятность и достоверность — качественные характеристики достигнутого уровня знаний о явлениях объективного мира. Вероятность означает неполноту, проблематичность,

предположительный характер знаний, достоверность — правильное, не вызывающее сомнений отражение предмета мыслью, проверенное практикой истинное знание.

В вероятностном суждении можно различить две стороны: объективную, положительную — констатацию некоторых наличных данных, служащих основанием для вывода о предполагаемых фактах, связях, отношениях, и субъективную, отрицательную, критическую — признание неполноты этих данных, сомнение в существовании предполагаемых фактов.

Субъективность вероятного побуждает к практической проверке и снимается практической проверкой, превращаясь в достоверность, в объективную истину. Путь от вероятности к достоверности — это путь практики, путь исследования конкретных фактов.

Категория вероятности характеризует сущность следственных версий — предположений об обстоятельствах дела, возникающих в связи с расследованием и подлежащих проверке в целях достижения истины. Логически обоснованное построение и тщательная полная проверка всех возможных по обстоятельствам дела версий — необходимое условие объективного расследования.

Автор исследует основные элементы следственной версии: основания — фактические данные, для объяснения которых возникает версия, и предположение, связывающее эти данные с другими, неизвестными, но вероятными обстоятельствами, которые в случае их установления могут иметь значение для дела.

Основаниями построения версий служат фактические данные. Это не только данные, которые процессуально закреплены. (Иная точка зрения выражена Г. Н. Александровым). Версии могут и должны строиться уже в процессе формирования доказательства, в ходе следственного действия на основе непосредственно воспринимаемой информации. Немедленная проверка возникающей версии обеспечивает полноту, объективность и целеустремленность данного следственного действия.

Выбор оснований для построения версий, выдвижение по данным основаниям тех или иных предположений в проблемных ситуациях представляют творческую эвристическую задачу. Существенную роль в решении таких задач играет интуиция. Быстрота, неосознанность интуитивных мыслительных процессов, осуществимость их при неясности предпосылок приводит к эвристической догадке, когда вывод не достигается

ся еще путем рассудочного логического мышления. Но в силу тех же свойств интуиция сама по себе не обеспечивает достоверности знания, необходимой в процессуальных решениях. Тем не менее автор не разделяет мнения, что интуиция несовместима с логикой и потому не может иметь положительного значения в исследовании обстоятельств уголовного дела (М. С. Строгович). Между логикой и интуицией нет непреодолимой границы. Как показывают теория и практика познавательной деятельности, интуитивная догадка может служить и нередко служит импульсом и ориентиром для логического мыслительного процесса, в котором эта догадка находит обоснование и подтверждение или опровергается. Иными словами, значение интуитивной догадки в каждом конкретном случае определяется результатами ее логической и практической проверки.

Выводимое из фактических данных предположение, главная часть, по выражению А. Р. Ратинова, «душа» версии, должно соответствовать ряду условий. Во-первых, оно должно быть обоснованным и правдоподобным, т. е. опираться на собранные фактические данные, не противоречить твердо установленным фактам. Во-вторых, предположение должно быть существенным, т. е. относиться к обстоятельствам, которые могут иметь значение для дела. В-третьих, оно должно быть творческим, т. е. заключать в себе мысленный образ искомых обстоятельств. В-четвертых, предположение должно быть проверяемым, т. е. содержать прямые или косвенные указания на возможность его проверки.

В диссертации исследуется сущность каждого из этих условий. При этом, в частности, показано, что проверяемость версии обеспечивается путем конкретизации ее вплоть до предполагаемого источника доказательств. Так, например, общая версия о хищении может быть конкретизирована предположением о несоответствии между расходами обвиняемого и его зарплатой, далее — об осведомленности соседей о необычном образе жизни обвиняемого. На этом уровне версия становится проверяемой, поскольку включает косвенное указание на источник доказательств, требующийся для проверки, — свидетельские показания соседей. Только при этом условии версия окончательно приобретает практическое значение как средство познания обстоятельств дела. Автор рассматривает различные виды версий, классифицируемые: а) по содержанию (общие и частные), б) по источнику возникнове-

ния, в) по формам логической связи (связь альтернативная и связь соединительно-разделительная).

В этой же главе проблема вероятности и достоверности исследуется применительно к таким узловым моментам, как возникновение уголовного дела, привлечение к уголовной ответственности и окончание расследования.

Автор разделяет позицию ученых и практических работников, считающих, что возбуждение уголовного дела возможно при вероятностном выводе о совершении преступления (Г. Н. Александров, А. Н. Васильев, Н. В. Жогин, Л. М. Карнеева, Г. М. Миньковский, М. С. Строгович, Ф. Н. Фаткуллин и др.). Однако не всякая вероятность здесь достаточна. Для принятия решения о возбуждении дела, на наш взгляд, требуется, чтобы, во-первых, рассматриваемые в качестве оснований фактические данные были достаточно определенными, т. е. чтобы из них было видно, что речь идет о преступлении, а не о чем-то ином; во-вторых, чтобы имелись возможные в данной ситуации гарантии правдивости рассматриваемого сообщения.

Особое значение и особую сложность приобретает проблема соотношения вероятности и достоверности при привлечении к уголовной ответственности. Известны две основные точки зрения. Согласно одной из них обоснованность привлечения к уголовной ответственности неравнозначна достоверному установлению виновности обвиняемого (В. И. Каминская, Л. М. Карнеева, Р. Д. Рахунов, М. С. Строгович). Противоположная точка зрения выражается в мнении, что к моменту привлечения к уголовной ответственности необходимо достоверное установление вины привлекаемого (В. Э. Лукашевич, М. А. Чельцов, М. Л. Якуб). Эта последняя точка зрения представляется неприемлемой, как игнорирующая обязанность следователя выяснить обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, и сводящая на нет право обвиняемого на защиту в стадии расследования. Такая точка зрения лишает смысла предъявление обвинения, допрос обвиняемого и проверку его доводов, активное участие обвиняемого в исследовании обстоятельств дела как средства достижения объективной истины и гарантии права на защиту. Поэтому мы считаем, что вывод следователя о виновности обвиняемого в момент привлечения к уголовной ответственности по своей природе является предварительным и вероятностным, а не окончательным и достоверным. Но этим решение вопроса не исчерпывается. Требование закона, «чтобы ни один невинный не

был привлечен к уголовной ответственности» (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства), определяет необходимость специальных условий, которым должен соответствовать вероятный вывод о виновности. Этими условиями являются предварительная всемерная проверка обвинительных доказательств, определение, исследование и исключение всех возможных по материалам дела версий о невиновности данного лица. На практике такой подход в принципе не исключает последующего опровержения обвинения доводами обвиняемого и результатами их проверки, но сводит к минимуму возможность привлечения к уголовной ответственности невиновного.

Достоверность — необходимое качество заключительных выводов следователя. Этому качеству должны соответствовать и постановления следователя о прекращении дела, являющиеся завершающими актами процессуальной деятельности, и обвинительное заключение, выводы которого подлежат судебной проверке.

* * *

В третий раздел диссертации входят главы:

VIII. Общие вопросы планирования и организации расследования по уголовному делу.

IX. Планирование и организация отдельных следственных действий.

Восьмая глава начата рассмотрением вопроса о соотношении понятий планирования и организации. В криминалистической литературе этот вопрос трактуется по-разному. Известно мнение, что организация расследования представляет часть планирования (А. Н. Васильев). Существует и противоположный взгляд, согласно которому планирование является одним из элементов организации расследования (Л. М. Карнеева).

Автор полагает, что планирование и организация — понятия близкие, но лежащие в разных плоскостях и потому не совпадающие, а как бы пересекающиеся, взаимодействующие. Планирование — это мысленная программа предстоящей деятельности следователя, «мысленное отражение собственных действий следователя» (А. Р. Ратинов). Организацию же расследования, исходя из идей общей теории организации, можно определить как рациональные (и оптимальные) расстановку и приложение сил, средств и способов, которыми располагает следователь, создание и использование условий для достижения целей и решения задач данной стадии судопроизводства.

производства. Таким образом, если планирование — это преимущественно мыслительная деятельность, то организация — это предметные действия и некоторые их результаты. Различие, однако, не исключает взаимосвязи. План строится с учетом объективных организационных возможностей. Организация планируется. В то же время планирование как деятельность должно быть организованным.

Неправильно было бы, по нашему мнению, видеть в планировании расследования составную часть криминалистической тактики. Объектом планирования являются не только криминалистические приемы, но прежде всего — процессуальные следственные действия, при которых могут использоваться эти приемы. Поэтому мы разделяем точку зрения ученых, которые считают планирование расследования проблемой комплексной — уголовно-процессуальной и криминалистической (Р. Д. Рахунов, М. С. Строгович).

В диссертации рассмотрены структура и форма плана расследования по делу.

Структурно план расследования предусматривает:

- основные направления собирания доказательств;
- предупреждение и пресечение преступлений, а также противозаконных попыток воспрепятствовать осуществлению судопроизводства;
- конкретное содержание и тактику проведения следственных действий;
- организационные и технические мероприятия, способствующие оптимальным результатам следственных действий и расследования в целом;
- последовательность следственных, организационных и технических действий;
- координацию работы исполнителей этих действий;
- место и время намеченных действий;
- срок окончания расследования.

В той части плана, которая относится к собиранию доказательств, форма плана отражает основные элементы построения и проверки версий, включая: а) исходную информацию; б) вопросы, подлежащие выяснению; в) следственные и розыскные действия, организационно-технические мероприятия; г) сроки исполнения; д) результаты. Первый и последний из перечисленных элементов динамичны: то, что на одном этапе является результатом следственных и розыскных действий, в дальнейшем становится исходной информацией для последующих действий.

Производить расследование организованно — значит обеспечить наиболее благоприятные условия работы, рационально применять наиболее совершенные приемы, орудия и средства труда, полностью использовать рабочее время в интересах дела. С этих позиций в диссертации высказаны соображения об организации рабочего места следователя, об уплотнении рабочего дня, о своевременном получении исходной информации, о разделении труда между следователем и лицами, обязанными оказывать ему содействие. Автор обосновывает предложение об учреждении института помощников следователя.

Более сложную форму организации работы по сравнению с индивидуальным трудом следователя над делом представляет бригадное расследование. На этом уровне возможно гибкое распределение труда, при котором учитываются процессуальное положение следователя в группе, его практический опыт, индивидуальные способности, склонности, оптимальная и наличная численность следователей и, конечно, характер дела.

Особое процессуальное положение в бригаде (группе) занимает следователь, который принял дело к производству и несет полную ответственность за расследование. Этим обусловлена его роль руководителя группы. В диссертации рассматриваются организационный аспект взаимоотношений следователей в группе, функции руководителя, способы распределения работы. Приведены соображения в пользу создания постоянных (штатных) специализированных следственных групп для расследования наиболее сложных и опасных преступлений.

Как показывает практика, многие особо опасные преступления раскрываются в результате скоординированных действий следователей и органов дознания. Но есть в этой сфере серьезные недостатки, значительно ослабляющие эффективность расследования. К ним относятся несвоевременное принятие следователем к производству дел, возбужденных органами дознания, пассивность органов дознания в отношении дел, расследуемых следователем, несогласованность следственных действий и оперативно-розыскных мер. Под этим углом зрения в диссертации рассмотрены организационные вопросы совместной работы следователей и сотрудников милиции и даны рекомендации по совершенствованию этой работы.

Одно из направлений организационной работы следова-

теля — привлечение общественности к участию в расследовании. Этим обусловлено обсуждение при составлении плана по делу следующих вопросов:

— какие задачи могут быть решены по данному делу с помощью общественности;

— в каких формах и какими методами;

— какие общественные организации, отдельные представители общественности могут быть для этого привлечены;

— как обеспечить связь с общественностью.

Основываясь на данных практики, используя нормативные акты, регламентирующие деятельность народных дружин, профсоюзных и иных общественных комиссий, автор показывает характерные пути решения этих вопросов.

Проблема организации взаимодействия следователя и работников контрольно-ревизионных и инспекционных служб входит в план диссертации, поскольку сроки и качество расследования должностных и некоторых иных преступлений часто и во многом зависят от параллельно проводимых по требованию следователя служебных обследований.

Следователь вступает в контакты с органом, назначившим обследование, а также с работниками, непосредственно производящими это обследование. И если отношения следователя с компетентным органом имеют определенную юридическую базу (ст. 70 УПК РСФСР), этого нельзя сказать о его отношениях с исполнителями. Тем не менее личное наблюдение за ходом обследования, согласованность действий и обмен информацией между следователем и производящими обследование работниками совершенно необходимы в качестве условий, обеспечивающих эффективность обследования, пригодность его материалов как доказательств по уголовному делу. Основой делового контакта между следователем и работниками, производящими служебное обследование, служит общая заинтересованность в полном, объективном и достоверном выяснении обстоятельств, которые составляют предмет обследования и в то же время существенны для уголовного дела.

Как трудовой процесс, осуществляемый некоторым числом исполнителей (следователь или несколько следователей, орган дознания, ревизор, эксперты, представители общественности и др.), расследование по делу с точки зрения организационной представляет параллельно-последовательную разработку. Это позволяет эффективно применять при расследовании сетевое планирование и управление (СПУ).

На материалах практики автор обосновывает возможность обеспечивать методами СПУ прогноз и коррекцию планируемых затрат времени, определение минимального числа исполнителей, оптимизацию расстановки сил и очередности работ, использование резервов при сложном и трудоемком расследовании.

В девятой главе рассмотрены планирование и организация отдельных следственных действий.

С учетом положений, высказанных по этому вопросу Н. А. Якубович и А. Н. Васильевым, автор считает возможным в наиболее общем виде определить структуру плана следственного действия как совокупность решений о следующих элементах:

а) круг и последовательность вопросов, подлежащих выяснению (решению);

б) состав участников следственного действия и лиц, оказывающих содействие следователю; роль каждого из них;

в) место и время проведения следственного действия;

г) предварительные, сопутствующие и последующие следственные и розыскные действия, технические и организационные мероприятия, проведение которых обеспечивает и развивает успех данного действия;

д) перечень материалов дела, научных и технических средств, которые могут понадобиться;

е) дополнения и изменения общего плана по делу и планов других следственных действий на основе результатов данного действия.

В диссертации выясняются значение и основания решений относительно каждого из этих элементов.

Форма плана призвана отражать его структурные элементы.

Вопросы: обязательно ли излагать план следственного действия на бумаге (и если да, то с какой степенью детализации), как расположить текст — в виде таблицы или перечня — и т. п. не допускают однозначного теоретического решения. Практически же эти вопросы решаются в зависимости от общего объема работы следователя по данному делу и по другим одновременно расследуемым делам, от характера и степени сложности намечаемого действия, от индивидуальных способностей следователя, его навыков, памяти и т. д. Думается, чем больше работы, чем она сложнее, тем меньше можно полагаться на память. К тому же само составление письменного плана

позволяет более тщательно взвесить свой замысел, способствует четкому проведению следственного действия.

Специфический способ планирования разработан для расследования массовых операций: систематических хищений под видом выдачи зарплаты, под видом расчетов при децентрализованных заготовках, при сбыте похищенного через скупочные пункты или комиссионные магазины и т. п., когда возникает необходимость устанавливать и допрашивать по однотипным вопросам десятки и сотни лиц, исследовать многочисленные документы и т. д. Способ этот состоит в моделировании подлежащих исследованию обстоятельств.

Исходным материалом для плана служат подлежащие проверке первичные платежные документы (ведомости зарплаты, расходные ордера, закупочные квитанции, комитетские карточки и т. п.). На каждое лицо, числящееся по этим документам получателем, открывается отдельная карточка. В нее вносят относящиеся к этому лицу суммы, реквизиты соответствующих документов и номера листов дела. Блок таких карточек, расположенных в алфавитном порядке, представляет модель элементарно упорядоченной совокупности лиц, представляющих интерес для расследования (пока еще безотносительно к тому, являются ли они реальными или вымышленными). Отдельная карточка — информационная модель отношения некоего лица к исследуемым обстоятельствам. Модель-блок служит не только планом, но также, и в значительной мере, инструментом исследования. Пользуясь рекомендуемым методом, следователь:

а) освобождается от трудоемкой, чисто технической работы по составлению плана (карточки по его поручению может заполнить ревизор либо представитель общественности, обладающий элементарными навыками работы с документами);

б) путем простого подсчета карточек определяет число лиц, подлежащих установлению и допросу, и, соответственно, объем и продолжительность работы;

в) избавляется от необходимости составлять десятки и сотни запросов на отдельных лиц (вместо этого в отдел кадров и в адресное бюро направляется блок карточек и в них сотрудники отделов кадров или адресного бюро делают соответствующие отметки; они же по этим отметкам выдают сводные справки, приобщаемые к следственному делу);

г) путем несложного анализа карточек выделяет лиц, на имя которых незаконные или подозрительные выплаты про-

изводились систематически, а потому требующих особого внимания;

д) каждую из карточек на реально существующее лицо использует в качестве плана допроса этого лица (поскольку вопросы однотипны, формулировать их применительно к каждому допросу нет необходимости; конкретное же содержание вопросов определяется реквизитами платежных документов, зафиксированными в карточке);

е) группируя карточки в зависимости от результатов проверки отдельных выплат, составляет из них планы допросов обвиняемых, а также планы постановлений о почерковедческой и бухгалтерской экспертизах, план обвинительного заключения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы автора:

I. Книги

Работа следователя с доказательствами. М., «Юридическая литература», 1966.

Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., изд. «Юридическая литература», 1970.

II. Статьи в сборниках и журналах

Тактика собирания доказательств по возобновленному делу. «Следственная практика», 1952, № 11.

За активное и оперативное расследование. «Социалистическая законность», 1953, № 12.

Разработка розыскных версий. «Следственная практика», 1958, № 32.

Переход от вероятности к достоверности при проверке версий на предварительном следствии. «Советская криминалистика на службе следствия», 1959, № 12.

Раскрытие преступлений с участием общественности. «Следственная практика», 1960, № 43.

О чем рассказали документы. «Следственная практика», 1961, № 53.

Анализ документов в целях раскрытия хищений. «Следственная практика», 1962, № 53.

Дело доцента Лаврентьева. «Следственная практика», 1962, № 54.

Негативное обстоятельство привело к установлению убийцы. «Следственная практика», 1962, № 57.

Некоторые особенности расследования сложных дел о хищениях, совершенных должностными лицами. «Вопросы криминалистики», 1962, № 4.

Некоторые проблемы теории доказательств. «Социалистическая законность», 1963, № 8.

Исключить возможность хищений при расчетах с рабочими и служащими. «Социалистическая законность», 1963, № 9.

Процессуальные вопросы соотношения следствия и оперативно-розыскной работы органов дознания. «Социалистическая законность», 1964, № 7.

Коренным образом изменить подготовку следователей. «Социалистическая законность», 1965, № 2.

О недопустимости переложения обязанности доказывания на обвиняемого. «Советское государство и право», 1965, № 3.

Актуальные вопросы теории доказательств в уголовном процессе. «Социалистическая законность», 1965, № 4 (В соавторстве с М. Г. Коршиком).

Почему появляются пятна. Сборник: «По следам преступлений». «Юридическая литература», 1965.

Доказательственное значение данных, характеризующих личность обвиняемого. «Советское государство и право», 1966, № 6. (В соавторстве с М. Г. Коршиком и С. С. Степичевым. Перепечатана в переводе на чешский язык в журнале «Криминалистический обзор», 1966, № 5).

За научную организацию труда следователя. «Социалистическая законность», 1966, № 12. (Перепечатана в переводе на чешский язык в журнале «Криминалистический обзор», 1967, № 3).

Значение анализа экономических данных при расследовании дела о взяточничестве. «Следственная практика» 1966, № 71.

Проверка несчастных случаев на производстве. «Советское государство и право», 1967, № 7.

Спустя двадцать лет. «Следственная практика», 1967, № 76.

Общественность в борьбе с преступностью. «Криминалистический обзор», 1967, № 5. (на чешском языке).

Материалы ревизии как доказательство в уголовном процессе. «Криминалистический обзор», 1968, № 2 (на чешском языке).

Следствие и суд по делам невменяемых. «Социалистическая законность», 1969, № 2.

К вопросу о психологическом аспекте раскрытия преступления. «Следственная практика», 1969, № 81.

Борьба со лжесвидетельством — существенная гарантия истины в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1969, № 6.

Работа с документами при расследовании хищений. «Следственная практика», 1969, № 83.

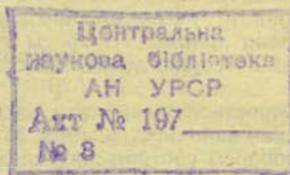
III. Рецензии

На книгу В. Д. Арсеньева «Вопросы общей теории доказательств в советском уголовном процессе». «Социалистическая законность», 1965, № 9.

На книгу З. Т. Барановой, В. В. Братковской, В. Г. Танасевича «Расследование хищений денежных средств в учреждениях и организациях, состоящих на местном бюджете». «Следственная практика», 1967, № 74.

На книгу Л. М. Карневой, И. С. Галкина «Расследование преступлений группой следователей». «Следственная практика», 1967, № 74.

На книгу «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная». «Социалистическая законность», 1968, № 7. (В соавторстве с Г. А. Тереховым).

ЕА04792

Тираж 200.

2589—1/XII-70 г.

г. Калинин. Областная типография.